

Эта статья об особенностях творческого стиля Михаила Щербакова в контексте времени. Ее автор профессор филологии Ростовского университета Георгий Хазагеров, известный своими исследованиями по сравнительной поэтике в авторской песне (в частности, у Окуджавы и Высоцкого). Данная работа написана Г.Хазагеровым в соавторстве с его супругой, тоже филологом, Светланой Хазагеровой. С согласия авторов, в „АП'“ статья перепечатывается с небольшими сокращениями.

Георгий Хазагеров, Светлана Хазагерова : “От корабля к рыбе”

Всякий, кто говорит и пишет о поэте, взявшем в руки гитару, с неизбежностью обращается к феномену авторской песни, духовно-социальным источником которой справедливо считается "шестидесятничество". Впрочем, для каждого из "поющих поэтов" авторская песня - всего лишь гавань, исходный пункт движения. И это особенно понятно в случае Михаила Щербакова.

Классическую авторскую песню всегда отличало стремление одомашнить мир и в то же время сообщить ему условно-романтический колорит, предполагающий раздвижение границ этого мира, хотя бы и чисто географических. Результат - своеобразная интимизация географии.

Напрямую одомашнить большой мир - значит увидеть его под таким углом зрения, который можно определить как семейно-бытовой или любовно-дружеский. Поэтому в авторской песне так много говорится о верности и надежности, о теплоте простых человеческих отношений, причем сами эти отношения, как и география, неизбежно подвергаются в ней сентиментально-романтической трансформации, становятся мелодраматичными и на этой мелодраматичности, как правило, замыкаются.

Авторская песня и сегодня осталась верна себе. Ее гавань покинули большие корабли, каждый из которых отправился в океан своим курсом, а каботажное плавание вокруг ее излюбленных тем продолжается. Кстати, сам корабль и плавание - одна из этих тем. Обилие кораблей мы обнаружим и в творчестве Щербакова, особенно раннего. Но его путь - это путь от корабля к рыбе или, если угодно от "Кораблика" (1982) до "Рыбы" (1997).

Уже в ранних "корабельных" стихах Щербакова, таких, как "Возвращение" (1985), "Пустые бочки вином наполню..." (1986), "Друзья-мореходы, творцы-корабелы..." (1987), романтическая условность образов отступает на второй план, а на первый выдвигается отшлифованный текст и какая-то подозрительно завышенная для "нормальной" авторской песни рефлексивность лирического героя. Он словно стремится выйти за рамки того мира, в пределах которого существует, и посмотреть на него со стороны. В том же "Кораблике":

*Да, ни словечка в простоте, моя прекрасная!
Какая чушь, зато хоть тема безопасная.*

Эта рефлексивность обеспечивает свободу от диктата лирического "я", необыкновенно расширяет обзор, позволяет легко и естественно менять угол зрения, что для "рядовой" авторской песни совершенно не характерно. Так появляются у раннего Щербакова эпически достоверные и психологически убедительные зарисовки (например, "Капитан бравоый").

Парадоксальная установка на эпичность в рамках такого сугубо лирического жанра, как

песня, создаст впоследствии ту возможность множественности интерпретаций щербаковских текстов, которая, являясь признаком подлинной их художественности и глубины, поставит в недоумение любители мелодраматических эффектов и сентиментально-романтических условностей. Тексты Щербакова начнут проверять слушателя на умение думать, на серьезность отношения к поэтическому слову и, в конечном счете, к самой жизни.

Творчество раннего Щербакова примечательно еще одним качеством - ориентацией на русскую классику, ее тематику, ее образный ряд. Дыхание ее ощутимо в "Песне о тройке", в "Кибитке". Вот начало "Кибитки":

*Все скрылось, отошло, и больше не начнется.
Роман и есть роман. В нем все как надлежит.
Кибитка вдаль бежит, пыль вьется, сердце бьется.
Дыхание твоё дрожит, дрожит, дрожит.*

Золотой запас русской классики в трюмах щербаковского корабля придает ему и особую устойчивость, и повышенную плавучесть. Уже в начале 80-х гг. он вышел за пределы каботажного фарватера в открытый океан. Открывать свои острова. Когда с 1987-89 г. Щербаков обретает собственную творческую манеру, этой манерой оказывается строительство миров. При этом автор, идя от слова к образу, уверенной рукой рисует фрагменты жизни ("На зимней авеню").

*А в джунглях злчных недр, в дыму азартных игр,
крутые - поджарый негр - сопит, как старый тигр.
И теплый желтый франк, похожий на зерно,
Седой столичный фронт бросает на "зеро"...*

Сам же автор и комментирует эту картину:

*Че случай, не сюжет - фрагмент людской возни.
А все же, глянешь вслед - красиво, черт возьми!*

Последние слова - ключевые для понимания этого периода творчества Щербакова. В самом деле, его стихи красивы сразу в двух смыслах. Во-первых, они безупречно сделаны (вкус не изменяет автору ни в образном, ни в звуковом ряде), во-вторых, автор выбирает такой угол зрения, при котором безобразное, сниженное просто не попадает в поле обзора. Это особенно заметно на примере таких стихотворений, тема которых делает присутствие безобразного, казалось бы, неизбежным. Так, в "Жалобе" герой, страдающий от зубной боли, замечает ночью под мокрой раковиной копошащихся тараканов, но и здесь автор избавляет нас от созерцания отвратительного:

*На кухне ночной порой, под раковиной сырой
найдя шестиногих рой, спую: извините ...*

Совершенное благозвучие этих строк плохо вяжется с идеей безобразного и позволяет удержаться на высоте романтической иронии, пронизывающей все стихотворение ("о жалкие шесть восьмых!").

У зрелого Щербакова мир упорядочивается и

гармонизируется в пределах текста, на уровне словесной формы. Отсюда повышенный интерес к ритмической стороне стиха, стремление к органическому слиянию музыки и текста, к благозвучию. Быть может, Щербакова слушают из неосознанной потребности преодолеть хаос современной жизни.

В поэтической речи Щербакова, как в нашей современной жизни, драматически сближаются разные стили и языковые манеры, но в отличие от жизни в ней все уместно, все "мобильно движется, предельно вяжется". Эта раскованность в выборе языковых средств и уместность их употребления не могут не трогать эстетического чувства. Щербаков - очень современный поэт. Современный и в том, как остро ощущает драматизм человеческого бытия на изломе веков и культур, и в том, как пытается преодолеть его с помощью слова.

Новый поворот в творчестве Щербакова, совершившийся уже в самое последнее время, парадоксален. Его сочинения уже не корабли, свободно скользящие по стихии языка, но рыбы живущие в этой стихии. Язык теперь не средство доставки морских диковинок, а родная среда. И вот в чем парадокс: чем больше увлеченности языком, чем изысканнее рифма и эвфония, тем меньше дистанция между автором и лирическим героем.

В эпоху "кораблей" были возможны такие стихи, как "Кого люблю, того не встречу..." "Предположим, герой...", "Вторник, второе августа", где автор занимает позицию стороннего наблюдателя. В стихотворении "Предположим, герой..." в центре внимания оказывается отнюдь не герой с его трагедией обманутой любви и самоубийством, а сам рассказчик с только ему присущей языковой манерой.

В новых песнях Щербакова - "День-деньской жара в Москве...", "Лунная соната", "У быка голова крепка...", "Памяти всех" - все иначе. Лирическому герою все легче и легче сочувствовать, он все больше и больше узнаваем. Наметившаяся в самом начале творческого пути связь с русской классикой, становится теперь особенно ощутимой. В лирике Щербакова можно обнаружить и толстовское остранение, и чеховскую грусть.

Связь с русской классикой тем естественней, что язык Щербакова при чуткости ко всем новациям так богат изысканными архаичными оборотами прошлого века. Впрочем, для самого Щербакова это, пожалуй, не архаика.. Это просто русский язык, все регистры которого доступны автору.

От берегов авторской песни поэт ушел в открытый океан языка. Этот океан со всеми своими гольфстримами, марианскими впадинами и даже бермудскими треугольниками и есть душа поэзии Михаила Щербакова.

Наш анонс - в следующих номерах "АП'острофрф" читайте:

"На извозчике едет... Казанцева!" - специальный выпуск, посвященный гастролем поэта и автора песен Елены Казанцевой (12 июня - 9 июля 2000)
"ПетАккорд - 2000", "Дуговка", "Русский акцент": итоги, впечатления, проблемы.
АП' представляет - Авторы, живущие в Германии: Константин Шнайдер, Елена Кац и Марина Зеликович, а также другие интересные авторы и исполнители.

Редколлегия АП' : Е. Голосовская (Франкфурт-на-Майне), Р. Кабаков (Берлин), Д. Полонский (отв. редактор выпуска, Фрайберг), В. Шнейдер (Мюнхен)
Контактные телефоны: 030-34 70 83 75, (моб.) 0172-3567522
E-mail: kabakov@golos.de
Адрес в Интернете: www.golos.delap.html